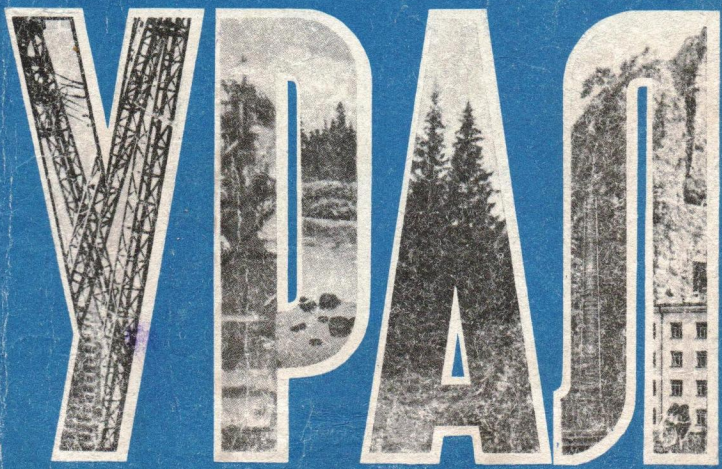

05
4-68

1970

В НОМЕРЕ

Борис БУРЛАК
ЛЕВЫЙ ФЛАНГ
роман

Зинаида ОЛЕНДАРЬ
САМАЯ ГЛАВНАЯ ПРОФЕССИЯ
Из цикла
Современники — о себе

«ИНЕРЦИОНД ИНЖЕНЕРА
ТОЛЧИНА»

Стихи
Сергея ДАНИЛОВА
Марка ГРОССМАНА
Александра КУНИЦЫНА
Михаила НАЙДИЧА
Даниила ДОЛИНСКОГО

ЮМОР И САТИРА

УРАЛ

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й
литературно-художественный
и общественно-политический
Ж У Р Н А Л

СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
Свердловская, Челябинская,
Пермская, Башкирская, Удму-
ртская, Тюменская, Курган-
ская и Оренбургская писатель-
ские организации

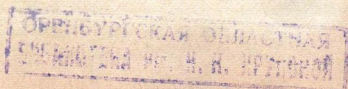
Год издания тринадцатый

М А И

1 9 7 0

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, СВЕРДЛОВСК

Пушкин в Бёрде

1

Теперь наша Бёрда — северный промышленный пригород Оренбурга, благоустроенный рабочий поселок. А в прошлом она была одним из первых казачьих поселений в диком поле, крепостью над каменистыми кручами Яика.

Сначала была просто Бёрдская казачья крепость. Она строилась по указанию сподвижника и выученика Петра Первого, сторонника всех его восточных предположений, оберсекретаря Правительствующего сената, статского советника и начальника Оренбургской экспедиции Ивана Кириллова. Строили крепость Сакмарский казачий старшина Степан Шацкий, казаки-охотники, шатающиеся с Нижнего Яика, сходцы из Сибири, мешеряки расстриги, иноверцы и сволоченный люд.

Женщины, старики и дети, домовнича, вели немудрое казачье хозяйство — пахали и севали, выхаживали скот, пряли лен, шерсть, ткали холсты, дерюги, зипунное, шили, чеботарили, шорничали.

А казаки составляли гарнизон крепости, обороняли первые русские поселения от набегов кочевых народов, несли сторожевую службу на степных маяках и ходили в поиск за Яик — вызволять русских из плена и добывать себе жен в кочевьях.

Так, в 1737 году Степан Шацкий с казаками, углубившись в степь, настиг орду аж за Эмбой, разбил ее и вызволил из плена 119 душ русских. Годом позднее Бескручиннов с казаками, походив в поиске за Яиком, отбил у кочевников 89 душ русских, да 15 мордвинов, да 9 чувашей...

15 мая 1742 года дочь Петра Первого императрица Елизавета указала главную крепость и город Оренбург перенести на новое место и строить при Бёрдской крепости, а казакам Шацкого и Бескручиннова, по-

строившим эту крепость и составлявшим ее бессменный гарнизон, переселиться за семь верст на север, на левую сторону Сакмары, и на стрелке выноса Россоски строить укрепленное казачье поселение — Бёрдскую слободу.

В 1743 году Бёрдская слобода — три порядка изб в линию — была построена, окружена рвом и обнесена деревянным заплотом. По ее углам стояли батареи, у ворот — рогатины, на площади — кабак и рубленая церковь.

Такой она, Бёрдская слобода, окруженная рвом и обнесенная дубовым заплотом, с батареями по углам и рогатинами у ворот, в 1773 году встречала Пугачева. В 1833 году здесь побывал Пушкин.

Мятёжные периоды русской истории интересовали Пушкина с юных лет. А Степан Разин и Емельян Пугачев никогда не переставали волновать его творческого воображения. И особенно Пугачев — великий вождь и предводитель великой крестьянской войны...

Мысль написать о Пугачеве родилась еще в 1826 году. В 1831—1833 годах уже был готов план повести о восстании Пугачева. Пушкин живет мыслями о крестьянских бунтах и восстаниях, ревностно собирает материал о крестьянских волнениях и о предводителях крестьянского движения. Как-то генерал Н. С. Свечин рассказывает Пушкину историю Шванвича.

2

Михаил Александрович Шванвич — личность историческая. Крестник императрицы Елизаветы Петровны и сын петербургского гвардейского офицера, светский человек и

сам гвардейский офицер, он 8 ноября 1773 года в бою под Юзеевой был взят в плен повстанцами, приведен в Бёрду и представлен Пугачеву.

— Помнишь ли ты меня? — спросил Пугачев Шванвича. — И признаешь ли ты меня царем Петром III Федоровичем?

Шванвич «помянул» царя Петра Федоровича и изъявил желание служить повстанцам. Он знал иностранные языки, был отменно образован и культурен, и Пугачев указал ему служить в военной коллегии и ведать его, царя, заморскими делами.

22 марта 1774 года Пугачев был разбит под Татишевой. Сам он, прорубившись через неприятельские ряды ускакал, а вся его армия или погибла, или попала в плен. Шванвич тоже был пленен и доставлен в Петербург. Там его, верного сподвижника Пугачева, судили, лишили дворянства и воинских званий и сослали в Туруханск. Позже к Шванвичу в Туруханск из Питера не раз подсылались дворцовые советчики и советовали ему, Шванвичу, подать прошение на высочайшее имя о помиловании, на что Шванвич всякий раз недоуменно пожимал плечами и говорил: «А в чем я виноват? И почему я должен просить прощения?» — и неучтиво выпроваживал советчиков. Умер Шванвич в Туруханске.

История Шванвича потрясла Пушкина. Он обрывает работу над неоконченным «Дубровским», и в центре его литературных, общественно-политических и научно-исследовательских интересов оказывается Пугачев. Пушкин читает все, что было написано о Пугачеве у нас и за границей, изучает «Следственное дело о Пугачеве», роется в архивах, выискивая сведения о вожде крестьянской революции, а в конце лета 1833 года пускается в путь по местам великих событий, чтобы мертвые документы проверить словами еще живых, но уже престарелых очевидцев, а их дряхлеющую память — историческою критикой.

Пушкин посещает Казань, Симбирск, Самару.

16 сентября поэт въехал в пределы Оренбургского края. И вот — Бузулук, Тоцкая, Сорочинск, Новосергиевка, Переволочная, Оренбург. Но его заветная мечта — Бёрдская слобода, столица Пугачевского бунта... Сюда он, вдохновенный, скакал и дни и ночи.

3

В Оренбург Пушкин прибыл во второй половине дня 18 сентября 1833 года. И в первые же часы его пребывания у генерал-губернатора В. А. Перовского туда был вызван сотник Оренбургского казачьего войска, атаман Бёрдской станицы Гребенщиков, и ему было сказано, чтоб для беседы с Пушкиным, утром 19 сего месяца, в станичном правлении были бы собраны почетные старики, видевшие и знавшие Пугачева.

В Бёрду Пушкин с Далем приехали на сле-

дующий день утром. Их встречали сотник Оренбургского казачьего войска, атаман Бёрдской станицы Иван Васильевич Гребенщиков и купец Николай Александрович Кайдалов.

Но не они нужны были поэту: в станичном правлении, в горнице для почетных стариков, были собраны и ожидали его, поэта, престарелые соратники Пугачева и очевидцы великого потрясения России.

Почетные старики. Теперь даже вообразить себе не всякий может, как важничали почетные старики, как степенно вели себя они в то время и с каким почтением относились к ним молодежь. Не поклониться старику считалось верхом хамства, обидеть старика хотя бы словом — вообще было немисланным делом.

Всякому пришедшему в дом было положено помолиться в святой угол, сказать хозяевам: «Христос спасет», осведомиться о здоровье хозяина, потом хозяйки; пожелать, чтобы дети их росли послушными, помянуть добрым словом умерших в этом доме.

Пушкин же, нетерпеливый и стремительный, взлетел по ступенькам, распахнул дверь в горницу, быстро пошел к столу и, держа наготове записную книжку, стал задавать вопросы о Пугачеве.

Неграмотных и суевверных стариков богоухость призежго озадачило. И знали ж, помянул старики, что Пугачев казнен страшной казнью, потом проклят и предан анафеме, его дом в Зимовейской станице, где он родился в 1744 году и жил, где находились его жена и дети, был сожжен, а его двор распахан и посыпан солью, и что имя Пугачева было под запретом. А потому они молчали. Пушкин же, не понимая, почему так неразговорчивы старики, стал одаривать их новенькими золотыми монетками... И что ни монетка — предобрейшая корова. А уж это совсем перепугало стариков. И они еще настороженной стали разглядывать незнакомого господина.

Черный-черный... Кучерявый... А ногтичи-то длиннущие-длиннущие... Лопаточками. Как у черта — когтищи. А на пальцах золот, перстни горят. И деньги раздает тоже золотые. А откуда же столько может быть золота у человека? Если он и по правде человек, а не дьявол, не сам хозяин преисподней? А?

Не состоялась беседа у Пушкина со стариками. И обескураженный таким приемом, а еще больше удрученный неудачей (ведь как мечтал! Из Питера ехал на лошадах! По бездорожью! И не день, и не десятки!) Пушкин оставил правление. А удачу нашел он в другом месте.

«По улице шли два господина... — рассказывала 6 июня 1899 года писателю Севастьянову Акулина Тимофеевна Блинова (по отцу — Мордвинцева), 86-летняя бодрая старушка, которая 19 сентября 1833 года присутствовала при разговоре Пушкина с известной Бунтихой. — Шли они и увидели Бунтиху, сидевшую на ступеньках крыльца. Подошли, поклонились, ласково поговорили»

с ней и ловко стали выпрашивать о Пугачеве. А та про Пугачева все знала... Все, не таясь, и выложила...

Казачке Бунтовой Ирине Афанасьевне в день ее беседы с поэтом считали уже 80 лет. Рослая, крепкого сложения, не беззубая и довольно живая, среди сверстниц она выделялась ясностью ума и отменной памятью.

«И— нет! Нет! Не про Пугачева! Про дядю-батюшку Петра Федоровича и про его душевную-раскрасавицу Елизавету Федоровну знала все...»

— Государь,— рассказывала старая казачка поэту,— роста был среднего, коренаст, смугл и худощав, волосы имел черные, стриженные под кружок; а борода у батюшки была русая, окладистая, клином, верхний зуб спереди вышиблен, на левом виске белое пятно, глаза острые, пронзительные, взор — страховитый... Ходил батюшка шибко, на ногу был легонек, а когда проезжал по улицам, кидал в народ деньги...

— В Бёрде батюшку любили,— продолжала Ирина Афанасьевна.— Тут, в доме казака Кондратия Стиникова, ему была устроена золотая палата, а в услужение его светлости были наряжены добрые да проворные молодцы, дебелие да раскрасивые девушки-лебедушки.

И прошлась старая с Пушкиным по Бёрде и указала дом на шесть окон, где жил он сам, великий государь, и где собирался его тайный совет — Арсланка да Салаватка — и где заседала его военная коллегия. В золотой палате государь принимал посланцев от народов и своих соратников: Падурова да Перфильева, Белобородова да Шигаева, Чуку да Почиталина, Хлопушу да Шванвича. Награждал их дворянством и высшими воинскими званиями. С крыльца золотой палаты читались его манифесты народу и выступал он сам перед повстанцами, которых здесь было больше двадцати тысяч и которые жили в Бёрде и вокруг в шалашах, землянках и шатрах. Из Бёрды, из своей столицы, управляя он осадой Оренбурга и военными действиями своей армии, отсюда наезжал он в подвластные ему крепости и форпосты. На Бёрдской площади, сидя в золоченом кресле, творил он суд и расправу над супротивниками. Так, 14 ноября 1773 года повесил он на Бёрдской площади, а затем приказал сбросить в Бёрдские овраги полковника Чернышева и 36 офицеров его полка, взятых в плен в бою на Маячной горе. Всех офицеров гренадерской роты, взятых в бою 8 ноября 1773 года под Юзеевой, батюшка тоже приказал повесить и только одного пощадил — Шванвича... Шванвич оказался батюшке родственник.

Даль, улучив момент и желая повеселить Пушкина, рассказал анекдот о том, как Пугачев, в шапке, придя в церковь и усевшись на престол, сказал: «Ах, как я долго не сидел в батюшкином кресле».

Пушкин анекдот выслушал, но не рассмехался. А Ирина Афанасьева заметила:

— Враки это. Батюшку звали в церковь, да он не пошел... Батюшка не любил попов.

А одного, отца Ивана, высек плетью за то, что пьяный службу служил.

С болью в сердце поведала старая казачка поэту и о злых, завистливых и недобрых людях, которые из корысти и зависти немало бед батюшке сотворили. Они, эти завистники, Митька Лысов да дружки его сотоварищи, боясь, что Дмитрий Кальминский станет при батюшке первым, увели его, бедного, ночью на реку и там бросили в прорубь, затолкав живого под лед. А Кальминский зело знал грамоту, верно служил государю и был ему страсть как нужен. Они же, завистники, выкрали из царева дворца красавицу Елизавету Федоровну Харлову и ее семилетнего брата, увели их в лес на Сакмару и там застрелили и бросили в кусты. А те, израненные, сплосались потом, обнялись и так умерли...

Не забыла старая рассказать и про пиры, которые задавались в золотой палате, и про любимые песни его Величества — как она называла Пугачева. И спела их поэту. Спела «Не шуми, мати, зеленая дубравушка», и

Ах, ворона, ты ворона,

Ты ворона, а не мать.

Не сумела ты, ворона,

Ясна Сокола поймать...

Несказанно большой удачей Пушкина оказалась эта случайная встреча со старой казачкой Ириной Бунтовой, которая помнила Пугачева так же хорошо, как помнил Пушкин год и день своей свадьбы. Она дала поэту богатейший и достовернейший материал, который Пушкин потом полностью использовал и в «Истории Пугачева» и в «Капитанской дочке».

В Бёрде Пушкин и Даль пробыли до вечера. Сопровождаемые атаманом станции Гребенчиковым и купцом Кайдаловым, старыми и молодыми казаками и казачками, они осмотрели Бёрдскую слободу, побывали в золотой палате, в доме Бунтовой, на площади, полюбовались первозданной красотой Сакмары и ее уремой, где и дубы, и ясени, и ольхи, и рябина, и все это переплетено гирляндами хмеля, чащобное, непролазное. Смотрели лихие казацкие пляски, слушали старинные казацкие песни, а отставной казак Бескручиннов рассказывал им любопытную легенду о происхождении названия слободы. Кстати, эту легенду я записал уже в 1930 году там же, в Бёрде. Любопытно, что рассказал мне её дедушка Николай Александрович Бунтов. Бунтовы — потомки известной Бунтихи — и посейчас живут у нас на улице Гастелло, на ее красной стороне, в шатровом доме под железом, довольно прочном и высоко, хотя дом этот срублен был еще дедушки. Дедушке и самому тогда (в 1930 году) было уже немало лет, однако не сутулелся, бадиком отродясь не пользовался. А на народ выходил всегда степенный, прямой, высокий. До революции и после Николай Александрович ходил в почете. Потому что был он хорошо грамотен, занимался чтением всяких книг, водился с образованными и как было (хотя бы и старому, не говоря

уж о молодых) не снять перед таким человеком папаху и не поговорить с ним. Но дедушка (стоял ли он в народе или на крыльце отдыха) все больше слушал, а сам говорил мало, слова расходовало скупно, будто они у него чуть ли не по рублю серебром каждое самому себе обходились. Вот и эту легенду он не сразу рассказал, а только когда вполне удостоверился, что не ради праздной забавы выпрашиваю и записываю я все то, что относится к истории нашей знаменитой Бёрдской слободы...

Уезжали Пушкин и Даль из Бёрды в тот же день, 19 сентября, поздно. Провожали их за ворота и дальше, за рогатины. Пушкин поклонился казакам, а Ирине Афанасьевне подарил золотой червонец, то есть столько, сколько атаману за год его службы полагалось. Старый Бескручиннов, увидя это, не выдержал и ужаснулся:

— И надо ж! Тратить столько золота! Скакать такую дадину! Из-за Пугача!

Пушкин посуровел. И, взволнованный, сказал Бескручиннову:

— Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно. Не уважать оной есть постыдное малодушие.

4

...6 июня 1949 года в Бёрде былолюдно. Здесь, в этот день и в этот год, великому русскому поэту Александру Сергеевичу Пушкину к 150-летию со дня его рождения и в ознаменование его пребывания в Бёрдской слободе был открыт памятник, состоялись торжества, народные гулянья, и в памяти людей еще раз (уже в который раз!) воскресли дорогие сердцу каждого жителя нашего поселка и сердцу каждого советского человека, нетленные страницы истории...

М. ЛИВИНЦОВ

Пером хроникера

МЕДАЛЬ
ГЕРОЯ
МЕССИНЫ

Учитель рисования Влас Иванович Нечаев подарил Ильинскому краеведческому музею семейную реликвию — итальянскую медаль, полученную его отцом Иваном Савельевичем за мужество при спасении жителей сицилийского города Мессины во время землетрясения в 1908 году.

В то время Иван Нечаев служил матросом на линейном корабле «Слава», совершающем переход из Балтийского моря в Черное. Путь его лежал через проливы, отделяющий Сицилию от Апеннинского полуострова. Ранним утром 28 декабря «море вздулось, и громадные волны обрушились на берег, набережная превратилась в развалины, заброшенная обломками кораблей, минуту назад мирно стоявших у причалов». Так описывает современник разразившуюся катастрофу. Из 168 тысяч жителей города погибла третья часть.

Первыми на помощь людям Мессины пришли русские моряки. Еще не стихли подземные толчки, а уже все свободные от вахты офицеры и матросы «Славы» были на берегу. Они принялись расчищать проходы к разрушенным домам и освобождали из-под обломков оставшихся в живых людей... Газеты всего мира откликнулись на события в Мессинском проливе. «Русскими богатырями», «людьми с рыцарскими сердцами» называли репортеры экипажа «Славы». Итальянское правительство выдало специальную серебряную медаль, которой были награждены наиболее отличившиеся участники спаса-

тельных работ в Мессине. Получил эту награду и уралец Иван Нечаев.

Вместе с медалью В. И. Нечаев передал музею пожеставшие от времени фотографии разрушенной Мессины, портрет отца и его послужной список — матросскую книжку члена экипажа «Славы». Со снимка смотрит на нас мужественное лицо русского парня. На ленточке бескозырши надпись «Балтийский флотский экипаж». К груди приколата итальянская медаль.

В. Витальев

Пермская область

ЮЖНОУРАЛЬСКАЯ «КАРЕЛИЯ»

Южный Урал не зря сравнивают с Карелией: одних озер здесь более трех тысяч двухсот. Со всего Советского Союза приезжают люди в здравницы на живописнейших берегах Увильдов, Кисегача, Турговяка, Елового. И еще одна особенность нашей «Карелии». Из многих соленых озер Южного Урала по химическим характеристикам близок известным лечебным грязям южных курортов Сакки и Мойнаки, причем, в отличие от них, не имеет кристаллов гипса и очень богат микробным составом. Наиболее перспективна в лечебных целях Хомутининская группа озер, обладающая огромными запасами лечебных грязей. В районе озер Подборного уже проектируется крупный курорт «Урал» на 500 мест. Кстати, здесь же обнаружены воды типа ижевских минеральных и Ессентуков № 4.

Очень богат целебными водами сельский Октябрьский район. Здесь лечебную ценность имеют тридцать озер. Огромны запасы лечебных грязей в Тартутинских озерах — на юге Челябинской области.

В недалеком будущем на берегах озер с «живой водой» вырастут новые здравницы.

В. Петров

Челябинская область

РЕПИН ОБ УРАЛЕ

В Русском музее найдено ранее не известное письмо И. Е. Репина. Искусствоведы прочли его с некоторым удивлением: в письме были высказывание великого художника об Урале, с которым его мало что могло связывать.

16 июля 1900 года Илья Ефимович писал своей дочери: «Милая Веруша, сегодня я уже получил поздравинку с видом Златоуста. Какая прелесть! Какие еще места в дикой России никому неизвестные... Когда это вместо царства одачальной полиции в Сибири будут жить люди по-людски!»

Очевидно, дочь художника написала письмо отцу («поздравинку», как говорит И. Е. Репин) на открытие специальной серии «Южный Урал», изданной в начале 90-х годов прошлого столетия известным екатеринбургским фотографом В. Л. Метенковым. Сам уралец (уроженец Миасса), Метенков много сделал для пропаганды, природы, культуры и быта нашего края. Им изданы серии открыток «Виды Екатеринбург и его окрестностей», «На Урале», «Северный Урал», «Река Чусовая». И вот одна из таких открыток не только порывала Репина своей живописностью, но и позволила ему лишний раз высказать свои недвусмысленные взгляды на тогдашнее социально-экономическое устройство России.

М. Бажин

Челябинская область